Российская Академия Истории Материальной Культуры

Т-8516

ТРУДЫ НУМИЗМАТИЧЕСКОЙ КОМИССИИ. V

А. А. Ильин

ТОПОГРАФИЯ КЛАДОВ

ДРЕВНИХ РУССКИХ МОНЕТ X—XI В.

И

МОНЕТ УДЕЛЬНОГО ПЕРИОДА

С ДВУМЯ КАРТАМИ И ОДНОЙ ТАБЛИЦЕЙ

Kd
3.86F

ЛЕНИНГРАД
1924

Российская Академия Истории Материальной Культуры

ТРУДЫ НУМИЗМАТИЧЕСКОЙ КОМИССИИ. V.

А. А. Ильин

ТОПОГРАФИЯ КЛАДОВ ДРЕВНИХ РУССКИХ МОНЕТ X-XI В. и МОНЕТ УДЕЛЬНОГО ПЕРИОДА

С ДВУМЯ КАРТАМИ И ОДНОЙ ТАБЛИЦЕЙ

ЛЕНИНГРАД
1924

По определению Российской Академии Истории Материальной Культуры.

Редактор, член Академии *Іосиф Орбели.*
Секретарь, ассистент Академии *Камилла Тревер.*

Ленинградский Гублит 4908. — 600 экз.

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ТИПОГРАФИЯ.

I.

Топография кладов древних русских монет X — XI в.

Исследование начала чеканки монет на Руси необходимо разделить на два периода, первый — до татарского нашествия (древние русские монеты X — XI в.) и второй — от Димитрия Ивановича Донского до воцарения Ивана Васильевича Грозного, до 1533 г., период удельных монет. Как велик промежуток времени от чекана монет первого периода до возобновления чекана монет второго периода, точно не установлено. Что было причиною окончания чекана монет в первом периоде — усобица-ли князей, татарское-ли нашествие или какие-либо иные условия, остается невыясненным. Мы знаем только, что в этот промежуток времени на Руси в денежном отношении произошли существенные перемены так как прекратился чекан арабских диргемов, а с половины XIII века начался чекан джучидских татарских монет, и что, во всяком случае, обращение татарской деньги предшествовало возобновлению чекана русской монеты. Для первого периода крайний недостаток летописных известий с одной стороны, а с другой стороны и недостаток нумизматического материала, дает широкий простор всевозможным предположениям, и если мы имеем монографию гр. И. И. Толстого[1], который с полным убеждением признает, что только Владимир Святой, Святополк и Ярослав Мудрый чеканили монеты на Киевской Руси, то мы имеем также мнение Чернева[2], который еще в конце восьмидесятых годов напечатал ряд статей, в которых доказывает ошибочность чтения Толстым некоторых имен на монетах и предполагает приурочить эти монеты к более широкому периоду, хотя-бы даже к XII в. А. В. Орешников не стал на точку зрения Толстого, и при описании монеты, найденной в Вышен-

[1] Гр. И. И. Толстой, Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского, Пб. 1882.

[2] Н. Чернев, Заметки о древнейших русских монетах (ВИА, VI, 1888) и Сборник снимков с предметов древности, находящихся в Киеве в частных руках, в. 3 и 4, Киев, 1891.

ках (23), считает допустимым отнесение монет с надписями Владимира и Василия к Владимиру Мономану [1]. В последнее время он опять коснулся этого вопроса и считает, что Ярослав Мудрый был первый князь, который начал чеканить монету на Руси [2].

Мне кажется, что пока еще все исследователи решают этот вопрос скорее по чувству. Мое чувство подсказывает, что оба, как Владимир, так и Ярослав начали чеканить монету почти одновременно, один в Киеве, а другой в Новгороде. Во считаю, что Владимиру Святому принадлежат только золотые монеты и серебреники Владимира I типа по Толстому [3], а Ярославу серебреники III типа, а все Нежинские серебреники (22) надо пока все еще считать не приуроченными.

При определении монет этого периода необходимо, раньше чем устанавливать принадлежность монеты тому или другому из великих князей, выяснить причину их появления, место или местность, где таковая чеканена, пути ее распространения, а также значение ее среди других монет данного времени. При полном отсутствии летописных известий руководящею нитью служит изображение и надпись на монете, но необходимо принять во внимание все палеографические особенности надписей, одноименность некоторых князей и их христианские имена. К глубокому сожалению, вещевая палеография X — XI веков почти отсутствует, и наши палеографы крайне редко останавливаются на наших монетах. И. И. Срезневский [4] говорит, что так как на монетах вывод основывается исключительно на именах, то он и приступил к разбору других памятников, в которых по его словам «есть более положительные признаки времени их написания». И. А. Шляпкин [5], указывая на то, что Толстой [6] дал сводную таблицу букв на монетах, говорит: «было-бы ценно если-бы мы могли дать что-нибудь совершенно устойчивое, но в данный момент приходится повторить то, что не раз уже было говорено: данных точных, строго определенных для какого нибудь периода, дать нельзя; мастер в каждом отдельном случае мог иметь свой вкус; затем количество памятников не велико; поэтому выводы о начертании отдельных букв тусклы и неустойчивы». В. Щепкин [7], признавая кириллицу точным повторением греческого литургического устава IX — X в., отмечает написание буквы Р на серебреных монетах Ярослава Мудрого,

[1] Росс. Историч. Музей, Описание памятников, I, Русские монеты до 1547 г., 1896, 5.
[2] Орешников, Задачи русской нумизматики древнейшего периода, Симферополь 1917.
[3] Все определения делаю по классификации Толстого.
[4] И. И. Срезневский, Славяно-русская палеография XI — XIV вв., 103—104.
[5] И. А. Шляпкин, Русская палеография, лекции, Пб. 1913, 41.
[6] Толстой, Древнейшие русские монеты X — XI в., Пб. 1893. ЗРАО, н. с., VI, 310—382.
[7] Вяч. Щепкин, Учебник русской палеографии. М. 1920, 16.

которая имела «маленькую головку в виде полукруга, вверху прильнувшего к прямой стенке» и указывает на такое-же Р в надписи на надгробной плите Самуила, 993 года, в Македонии, в церкви села Герман, близ оз. Пресны[1]. Последний памятник является древнейшим из дошедших до нас датированных кирилловских памятников.

Другим признаком служит тип монеты, позаимствование типа и его дальнейшее развитие, ее фактура или стиль, ее величина и вес и, наконец, местонахождение отдельных монет и целых кладов. Последнее и составляет прямую задачу нашей работы.

Орешников[2], ссылаясь на А. К. Маркова[3], указавшего, что в кладах с куфическими монетами монет, чеканенных после 1015 г., уже не встречается, потому что на Востоке произошел сильный финансовый кризис и серебро исчезло совершенно, остановился на мысли, что отсутствие серебра было чисто экономическою причиною прекращения ввоза диргемов, что и дало толчок русскому князю чеканить собственную монету. Несомненно, это одна из причин, может быть даже главная, но причины политические, отношение к Византии, принятие христианства имели также существенное значение. Engel и Serrure[4] отмечают, что в начале средних веков чеканка монет начиналась параллельно распространению христианства или магометанства.

На востоке Европы до XI в. главным торговым путем, которым проникали куфические монеты, был путь Волга-Кама и Волга-Ока. С XI в. наиболее известный и уже занесенный в летописи, торговый путь был из Варяг в Греки. Соловьев[5] говорит: «местом столкновения с историческими народами были концы великого водного пути на севере и юге — Новгород и Киев»; здесь и начали чеканить монету Владимир Святой в правом Приднепровье и Ярослав Мудрый в Новгородской области.

Толстой[6] коснулся вопроса об иноземных образцах, послуживших оригиналами для изготовления штемпелей киевских монет, и с полной доказательностью отметил позаимствование золотых монет Владимира с византийской монеты Василия и Константина, зятевей Владимира Святого, и указал на одинаковый размер и вес этих монет. Надписания на них читаются довольно легко, хотя и с пропуском некоторых букв, а по начертанию буквы отвечают XI в. Серебряные монеты Владимира I типа являются увеличением

[1] В. Щепкин, 95—97.
[2] Орешников, Задачи русской нумизматики, 7 и 10.
[3] Марков, Русская нумизматика, конспект лекций, изд. Н. П. Гусева, 6.
[4] Engel et Serrure, Traité numismatique du moyen age, II.
[5] Соловьев, История России с древнейших времен, I, 247.
[6] Толстой, Древнейшие русские монеты X — XI в.

и развитием того-же типа. То же изображение великого князя на лицевой стороне и Иисуса Христа на оборотной, то же начертание букв надписей. Величина и вес этих монет крупнее и тяжелее византийских серебряных монет. Как златники, так и серебреники Владимира I-го типа имеют еще ту особенность, что при чекане, верх оборотной стороны приходится под низом лицевой, подобно тому как это бывает всегда на византийских монетах. В Византии из серебра чеканили мало. Откуда позаимствован тип византийских монет остается не выясненым. В это время, от Константина V (741 — 775) до Алексея I (1081 — 1118), перестав чеканить двойные миллиарезии (hexagram), введенные еще Ираклием, установили серебряную монету тонкую, плоского чекана с реверсом, на котором постоянно мы имеем несколько строк построчной надписи. Этот тип оставался единственным представителем византийского серебра. Вес этих монет иногда доходит до 2,592 гр. = 58 — 59 дол. а в исключительных случаях и до 3,240 гр. = 73 дол.[1]

Едва-ли можно быть удовлетворенным доказательствами Толстого при рассмотрении остальных типов монет в. кн. Владимира, монет Святополка и Ярослава. Нельзя объяснять только «искажением I типа, исполненным малограмотными и неумелыми мастерами» и только неумелостью резчиков изменение оборотной стороны: он говорит: не отваживаясь копировать лик Христа, как слишком для них сложное изображение, они предпочли перенести на эту сторону с лицевой родовой знак великого князя, изобразив его в увеличеном масштабе». Он и сам говорит, что начиная со II типа «мы имеем дело с самостоятельными чеканами и лишь только кое-какие позаимствования деталей с чужеземных современных монет». Едва-ли он прав также, не признавая за нимбом эмблему святости именно тогда, когда на двух типах I и III Владимира, где уже несомненно изображение великого князя, нимбы отсутствуют. Мне более понятно объяснение Куника[2], который говорит, что «венчик из бус вокруг головы замечательная принадлежность: она невольно напоминает собою тип византийского иконописания и еще решительнее говорит в пользу христианского характера изображения. Действительно этот венчик истинно византийский и нередко является на средне-византийских монетах, начиная с X в., сперва на ликах Христа и Пресвятой Девы, а потом с XII в. и на ликах святых, помещаемых особо на оборотной или на главной стороне монет, по левую сторону императоров; но сами императоры, вообще не имели еще такого венца[3]».

[1] Wroth, Imperial Byzantine coins in the British Museum, I, тбл. LXXLII.
[2] А. А. Куник, О русско-византийских монетах Ярослава I Владимировича, 67.
[3] Т. е. нимба.

На изменения, которым подвергался родовой знак, Толстым обращено мало внимания и объяснить эти изменения, которые требуют дальнейших еще исследований, только переменою великокняжения едва-ли возможно, а все предположения, высказанные Куником [1] в письме на его имя, он почему-то игнорирует. Ухудшение транскрипции на монетах, изображение разных родовых знаков, широкое и иное распределение находок, дает полное право предположить больший промежуток времени между чеканами монет с одной стороны Владимира I типа и Ярослава III типа, а с другой стороны монет Нежинского клада.

Местонахождение золотых монет Владимира до сих пор не установлено, и известие о находке златника в Борисполе (19) и клада великокняжеской эпохи с тремя золотыми монетами Владимирова злата в Киеве (10) едва-ли достоверны.

Клад серебряных монет Владимира Святого I типа найден в 1876 г. в Киеве (8). К сожалению клад этот полностью не описан, хотя описание части его, сделанное Черневым [2], дает достаточно твердое основание считать монеты чеканенными в Киеве, так как он состоял приблизительно из 120 экземпляров исключительно серебреников Владимира I типа, имел одинадцать существенных вариантов и не имел иных сопровождающих монет. Экземпляр Строгановского собрания (7), приобретенный Иверсеиом в Киеве, вероятно там-же и найден. Вверх цо Днепру у г. Быхова в м. Вотне (15) при раскопках гр. Уварова и Турбина на костяке оказались монеты Владимира Святого I типа в сопровождении монеты Гарун-ар¬Ращида и, наконец, в кладе куфических и средневековых западно-европейских монет оказался обломок монеты Владимира I типа; клад был найден в Псковской губ. в дер. Молоди (21). Все известные находки монет Владимира I типа таким образом сделаны по направлению торгового пути из Варяг в Греки. Хотя, конечно надо придавать одно значение находкам монет в кладах, а другое в погребениях, на костяках.

Оригинал, послуживший для чеканки монет Ярославом Мудрым (III тип по Толстому) до сих пор не найден. Куник, а вслед за ним и Толстой склонны предположить позаимствование с печати, перенесение лика св. Георгия с нее на монету. «Ярославле сърeбро» было произведение человека, обладавшего большим вкусом, и возможно, что сам Ярослав, любитель просвещения, принимал участие в его созидании. Во всяком случае для своего времени это была монета совершенная, поразившая современников, на что мы имеем указания в ее подражаниях, найденных в разных

[1] Толстой, Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского, 182—186.
[2] Сборник снимков, в. 3 и 4.

местах Скандинавского полуострова (33, 34, 35, 36) и в Германии (25); есть также экземпляры, приобретенные в Кёльне и Ганновере, место нахождения коих неизвестно (26, 27). Признавая высказанное Куником и Толстым: мнение что Ярославово серебро образует видоизменение византийских монет в обширнейшем смысле, мне всетаки представляется, что влияние Востока заметно на них не только по величине и весу. Я-бы сказал, что человек, создававший монету, должен был иметь перед глазами сасанидские монеты Кобада I и Хосроя II: широкое поле вокруг изображений, как на лицевой, так и на оборотной стороне; размещение на этом поле вверху, по бокам и внизу на лицевой стороне крестов из точек, вместо звезды с полумесяцем, как на сасанидских монетах и подобное-же размещение слова амин на оборотной стороне. Перенесение родового знака на оборотную сторону монеты, где на сасанидских монетах помещена государственная эмблема, алтарь с горящим огнем между двумя стражами, указывает также на влияние сасанидских монет. В 1847 г. П. С. Савельев[1] отметил, что «в России сасанидских монет находимо не было» и это, я думаю, было причиною, что Куник исключил возможность позаимствования с них для монеты Ярослава. Между тем Марков[2] в своей топографии кладов отметил ряд кладов, по большей части с диргемами, монет сасанидских, проникавших теми-же торговыми сношениями запада с востоком, которые повлекли отлив серебра с востока на запад. Клады с сасанидскими монетами встречаются не только на северо-востоке России в губерниях Пермской и Вятской, но и в губерниях Новгородской, Петербургской и Лифляндской, т. е. как раз в той местности, где можно предположить чекан «Ярославова серебра».

Кладов с Ярославовым серебром до сих пор не найдено, но находки отдельных монет нам известны в шести случаях. Из них одна в Киеве (5), одна в Германии (30), а остальные в районе Новгородской области (13, 14, 17, 18).

Третий князь, который несомненно чеканил монеты, что теперь уже никем не оспаривается, но значительно позже (1078 г.) это Олег-Михаил Святославович в Тмуторакани. Эта редкая монета нам известна всего в трех экземплярах. Все они найдены на Тамани, т. е. в древней Тмуторакани (11, 12) в разное время. Откуда позаимствованы величина и вес[3] этих монет, остается невыясненным.

Нежинские серебреники, названные так по месту находки клада в мае 1852 г. (22), определены Толстым, как чеканенные от имени трех ве-

[1] П. С. Савельев, Топография, стр. XLV.
[2] Марков, Топография кладов восточных монет, Спб. 1910.
[3] 2 0 мм.; 1, 82 — 2, 09 гр.

ликих князей: Владимира Святого (тип II, III и IV), Святополка (один тип) и Ярослава Мудрого (тип I и II). В этом кладе отсутствуют монеты Владимира I типа и Ярослава III типа, хотя одна из монет перечеканена на монете Владимира I типа. Последнее дает полное основание предположить, что таковой должен был служить прототипом для них, и действительно, они по характеру чекана лицевой стороны напоминают ее. Отклонение только в прибавлении венчика (кроме Владимира III типа) и в помещении родового знака на оборотной стороне, что, я полагаю, есть влияние монеты Ярослава. Нам известен еще клад куфических монет; в котором были монеты Нежинского клада, найденный в Переяславском у. Полтавской губ. в с. Денисы (20); в нем находились монеты Владимира Святого II, III и IV типов и Ярослава Мудрого II типа. В кладах монет западных средневековых, найденных в Шваане (28) и в Ленчицах (3) было по монете Владимира II типа. В кладе монет средневековых и куфических в Оршанском у. Могилевской губ. (16) найден обломок монеты Владимира III типа; были делаемы находки отдельных монет Владимира III типа три раза (2, 9, 1 9), и Владимира IV типа два раза (1, 23).

Классификацию этих монет Толстой[1] обосновал определением времени зарытия кладов, способом, который он называет испытанным, и которого придерживаются в западной нумизматике. Способ этот основан на двух положениях: 1) расстояние времени между годом чеканки древнейшей монеты в кладе и новейшей бывает сравнительно не велико (редко более 60, 70 лет) и 2) число новейших монет больше и они принадлежат или той стране, где зарыт клад, или ближайшей с ней, тогда как более древние монеты принадлежат странам более отдаленным; конечно отдельные монеты в кладе будут всегда составлять исключение из этого общего правила, но, тем не менее, для всей массы оно окажется верным. Между тем русские исследователи отклоняются несколько от этих положений; так Соловьев[2] говорит.... «но здесь заметим, что никак нельзя утверждать, будто клады, в которых находятся куфические монеты, например, X в., непременно были зарыты в этом веке; монеты X в. могли зайти на Русь в этом веке, но могли оставаться здесь в обращении и в сохранении и в последующие века, переходить из рода в род, наконец скопляться разными средствами в одних руках и зарываться в землю чрез много веков спустя после их первого появления». Мнение Чернева[3] «что если вообще и можно говорить об общих правилах, выработанных a priori, в такой слу¬

[1]Толстой, Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского, 156.
[2]Соловьев, История России, I, 250.
[3]Чернев, Заметки о древнейших русских монетах, 58 сл.

чайной и иногда темной вещи, как клад, то и в этом случае приводимые Толстым правила могут быть приняты лишь с большими исключениями. Правила эти всего менее применимы к нашим русским кладам». Мнение Орешникова[1]: «прекращение ввоза серебряной восточной монеты в начале XI в. имеет существенное значение для датировки кладов, зарытых в России в до-татарскую эпоху. Раз приток арабских монет прервался, то, без сомнения, монеты, чеканенные до 1012 г. и уже завезенные к нам, могли продолжительное время после этого года обращаться у нас, и клады с ними могли быть зарыты даже в XII в.; из этого следует, что монеты из кладов с куфическими монетами, особенно чеканки последних десятилетий. X в., не могут служить точными датированными документами для определения находимых совместно с ними русских неопределенных монет».

Становясь на последнюю точку зрения, приходится отказаться от классификации Толстого. Новую классификацию я не пытаюсь установить: как-бы я этого ни желал, это было-бы бездоказательно и основано на догадках; позволю себе только повторить, что было обнародовано другими исследователями.

Еще до издания труда Толстого, Волошинский[2], впервые описавший серебреники Нежинского клада, к сожалению не в полном их составе, относит их к пяти великим князьям: Владимиру Святому (по Толстому Владимир Св., тип IV); Ярославу Мудрому (по Толстому Владимир Св., тип II); Свято полку Изяславичу (по Толстому Святополк Владимировичу); Владимиру Всеволодовичу Мономаху (по Толстому Владимир Святой, тип III) и Георгию, может быть Юрию Владимировичу Долгорукому (по Толстому Ярослав, тип II), то есть к промежутку времени от 988 г. по 1157 г. или на сто лет позже, чем предполагал Толстой.

По издании Толстым своей монографии, Чернев, не соглашаясь с определениями Толстого, указал на монету Ярослава I типа и считает чтение надписи лицевой стороны у Толстого неправильным и предложил чтение ПЄТРОС, а не ГЄОРГІОС, как читал Толстой. В своем возражении Чернову Толстой[3] говорит: «русские великие князья начала XI в. хорошо нам известны по именам, между которыми имени Петра не встречается». Между тем христианское имя Петра носил Ярополк Изяславич[4] и погребен он в Киеве в основанной им церкви св. Петра[5]. Петров на монетах издан¬

[1]Орешников, Задачи русской нумизматики, 7.

[2]Труды Комиссии для описания губерний Киевского Учебного Округа, К. 1853: Я. Волошинский Описание древних русских монет из числа найденных близ Нежина, стр. IX.

[3]Толстой, Древнейшие русские монеты X—XI в., 38.

[4]ТЗОИДР, II, 151; ЗРАО, п. с., XII, 1 и 2, 351, гр. А. А. Бобринский, Киевские миниатюры XI в. и портрет кн. Ярополка Изяславича в псалтыри Эгберта, архиепископа Трирского.

[5]Соловьев, История России, кн. I, 308.

ных Толстым, как монеты, чеканенные Ярославом (II тип), читает имя Дмитрия, христианское имя Изяслава Ярославича[1].

Орешников[2], относясь критически к труду Толстого, говорит «что едва-ли возможно допустить, чтобы один и тот-же князь ставил на предметах собственности разные знаки, как это например оказывается на монетах относимых Толстым к одному в. кн. Ярославу, но имеющих три разных знака. Следовательно, большинство исследователей пришли к заключению, что чекан Нежинских серебреников можно отнести и к более позднему времени, к концу XI и даже XII в. Лично я это положение не оспариваю.

Клады Нежинский и Переяславский, отдельные монеты, найденные в Борисполе и Вышепках, дают право предположить чекан их в левом Приднепровье, а пути их распространения повидимому иные, чем монет Владимира Святого I типа и Ярослава III типа. Находки монет Владимира II типа выдвигают их распространение далеко на запад (Ленчица, Швааи). С другой стороны, монеты Владимира III и IV типа найдены на юго-востоке по нижнему течению реки Дона (Ростов, Цымлянская станица). Только находки монет Святополка и Ярослава (типы I и II) пока не выходят из ограниченного пространства частей Черниговской и Полтавской губерний.

Если стать на точку зрения Волошинского относительно монет Святополка, что ее чеканил Святополк (Михаил) Изяславич, к чему склоняется и Орешников, и Чернева относительно монеты Ярослава I типа, что ее чеканил Ярополк (Петр) Изяславич, то понятным станет и тождественный родовой знак на оборотной стороне.

Остается еще сказать о находках монет Болеслава (992—1025) с надписью кириллицей. Монеты несомненно короля польского, но по всем вероятиям чеканены для обращения в стране, где употреблялся кирилловский алфавит, и, так как Болеслав Храбрый в 1018 г. занимал Киев, то Строчинский высказывается за вероятность, что они были чеканены для Руси. До сих пор находки их не подтверждают этого предположения. Все известные четыре экземпляра (4, 29, 31, 32) найдены за пределами Руси и в двух случаях с монетами чешскими и венгерскими.

В заключение должен сказать, что Толстой не считал свои положения «абсолютно верными». Он говорит, что новые находки могут значительно изменить, если не все, то значительную долю его положений. Находок, такого характера до сих пор сделано не было, и всех-то находок не много:

[1]Т IX АС, I: Петров, Монеты великого князя Изяслава Ярославича.
[2]Русские монеты до 1547 г., 2.